

Воспоминания Л. Вайсман о местечке и семье, написанные для своих детей

В маленьком местечке Фрамполь жила вся наша родня. Я, Лея, ваш папа Гедадь, мой брат Янкель, брат Мендель (ваши дяди), мои сестры Хаюня, Молка (ваши тети). Во Фрамполе жило примерно 300 семей евреев, а за местечком жили украинцы.

Люди жили по-разному: были богатые и были совсем бедные. Не знаю причины бедности: или были ленивые, или не хотели работать. Они жили на подачках. Само местечко было очень веселым местом, и туда приезжали люди из других местечек погулять, погостить у родных, провести весело время. Там жили хорошие, веселые люди.

Дядя Мендель был очень веселым человеком, у него был очень хороший и приятный голос, он собрал вокруг себя талантливых людей, организовал еврейский театр. Они ставили много хороших пьес. Я запомнила «Тевье-молочник».

У многих богатых евреев были маленькие магазины, мануфактурные, бакалейные лавки, и все было в них, как говорится, на еврейском «ол дингс фойн фойгел мылых» (не хватало только птичьего молока).

Вокруг местечка жили украинцы и поляки (паны), и они давали евреям «парнусы» (доходы). Они никогда не торговались, и, сколько бы им не говорили, они платили. Но скоро их раскулачили, и многие разъехались. Для евреев это было плохо, так как они были хорошие люди.

У нашей семьи был кирпичный дом, единственный во Фрамполе. Он был двухэтажным. В этом доме жил Гришин (Гедали Вайсмана) дядя, а второй этаж он отдал для еврейского театра. Он был богатым человеком и хотел, чтобы был еврейский те-

атр. И наши артисты-любители во главе с дядей Менделем так играли, что всегда были большие сборы людей (полным-полно!). У нас жило очень много разных людей, как во всех местечках. Но наше местечко было особенным!

У Евгении (Жени) Наумовны Бурштейн отец был раввином. Он был очень красивый, умный, современный. Его отец тоже был раввином, он был как молох, как ангел, неописуемый красавец. В праздники шли домой хасиды, они вели его и жениного отца в синагогу с большим почетом. Когда был праздник Симхат Тора, то они вели их с песнями и танцами домой. Да, были такие годы, что нельзя их забыть. Люди радовались душой и телом в дни еврейских праздников.

Моя сестра тетя Хаюня не жалела сил и всегда нас всех приглашала к себе. Как же весело мы проводили эти праздники! Как закон, мы все были у нее, так как ее муж Шулым Шиманович любил, чтобы все были у них. Сколько жить буду, буду вспоминать эти праздники. И так все быстро ушло, остались одни воспоминания!

Когда папа, мама (ваши дедушка и бабушка) были молоды, они работали в маленьком магазинчике при доме. В магазинчике было все для субботы, и еще папа продавал известь для побелки домов, и все приходили покупать эту известь. Когда в бочке оставалось мало извести, папа опускал меня в эту длинную бочку, чтобы я оттуда доставала и подавала ему известь. Я вспоминаю, как я смеялась, стоя в этой бочке, сама не знаю почему. Наверное, глупая молодость — все казалось смешным, даже в этой длинной бочке. Все, кто приходили покупать у нас, очень любили отца. Они называли папу — наш вуйко, это означало наш дядя. Так мы зарабатывали деньги и не жаловались на жизнь.

А религиозная жизнь давала нам бодрость и веселье. Мы ходили друг к другу в гости, девочкам покупали новые платья, мальчикам — новые костюмчики, ботиночки, девочкам туфельки. Ой, какие радостные лица были у детей в эти праздничные дни! Не описать пером — это надо было все видеть и чувствовать. Их веселые глазки, их улыбчивые личики, да и лица родителей были счастливыми.

Теперь напишу про мою маму Хану (Анна, ты названа в ее честь). Ее благородству не было конца! Все бедные были у нее на учете. В синагоге был хазен (служитель — *Прим. авт.*), он

неожиданно умер. Остались его жена Рива и четверо детей, а жена еще и ослепла. Мама позвала своего племянника и сказала, что надо собирать деньги и отправить ее на лечение в Вену. Собрали деньги, послали Риву в Вену, там ей сделали операцию, и она приехала здоровой. Бабушка помогла ей деньгами, и она стала печь хлеб. Она стала зарабатывать. Купила швейную машину, дети стали шить, купили дом, и все стало у них хорошо.

Другой случай. Заболела Молка тифом. Мама поехала с ней в Купень, в больницу, и все время была там с ней. В это время в местечке бедные заболели тифом, а денег на врачей у них не было, так мама стала лечить их сама. Она видела, как лечат в больнице, и помогала им. И они все выздоровели! Они все приходили к маме и говорили: «Ой, Хана, чтобы Вы были здоровы!». Она помогала всем — и взрослым, и детям. Как-то дети игрались, и один вывихнул руку. Его мать с плачем прибежала к маме. Мама взяла руку, намазала жиром, покрутила ручку туда-сюда и вставила ее на место! Подошла к ящику, взяла конфету и сунула ребенку в руку, он взял конфету и уже не плакал. Мать обняла Хану: «Сколько вам уплатить?», мама ответила: «Ничего!» Она никогда ничему не училась, но все умела. Она была умная, смелая, добрая!

*Лея Мермулис (в центре) и её родители —
Хая и Мордко Мермулис, Фрамполь, ок. 1930 г.*

Моего отца, вашего дедушку, звали Мордха. Таких добрых людей, каким был отец, редко можно встретить. Он любил маму, очень любил своих детей, любил всех родственников. Он был религиозным. Все его звали: «а реб Мордха» — это значит — относились с уважением. Он сидел в синагоге на почетном месте, и его всегда вызывали читать Тору, что также говорит о большом уважении. Дома он был исключительным мужем и хорошим отцом. Когда я хотела кушать, он меня кормил и очень хорошо. Дети его любили и уважали!

Гедаль Вайсман за молитвой, Пушкино, ок. 1980 г.

Самый старший брат был Янкель, потом — Мендель, потом — сестра Хаюня, Молка и я. Когда родители стали старыми, Янкель открыл мануфактурный магазин, и стал нашим кормильцем. Дядя Мендель работал без напряжения. Он был человек веселый, радостный. Наш раввин (отец Жени Николаевской) очень любил его. Он хорошо пел еврейские песни, украинские, русские. Когда он заходил в какой-то дом, в этом доме уже скучно не было. Он ухаживал за красивыми девушками. В театре с ним играла красивая девушка, и он в нее влюбился, но мачеха отдала ее за богатого из ГПУ. Дядя Мендель уехал в Дунаевцы и там женился на Рейне. Вот так бывает в жизни.

Когда Янкель женился, в магазине стали работать Хаюня и Молка. Хаюня Мермулис вышла замуж за Шулыма Шимановича, Молка Мермулис — за Эйныха Гурфинкеля, а я — за Гедалью (Гришу) Вайсмана. Мы все жили неплохо, можно сказать хорошо, и мы все помогали тем, кто нуждался в помощи.

Сестры Лея Вайсман (Мермулис) — слева, Хая Шиманович (Мермулис) — в центре, Молка Гурфинкель (Мермулис) — справа

Воспоминания А. Зарницкой об отце

Начиная писать свои воспоминания о папе, я задумываюсь над тем, был ли он счастлив в своей жизни? Я бы ответила: «Да».

Мой папа, Гедадь (Григорий) Вайсман, родился во Фрамполе, так называлось местечко на Украине в бывшей Каменец-Подольской области. Папа, к сожалению, не рассказывал о своем детстве, поэтому я мало что могу вспомнить. Только сейчас я поняла, какой я была глупой, а, может быть, было таким время? Не знаю, но я чувствую свою вину.

Да, я вспоминаю, когда папа был маленьким и ходил в школу, то там он изучал «Закон божий». Однажды в школу пришел поп, и он спросил детей, кто знает «Закон божий». Подошел к папе и сказал: «Ну, ты, иудей, как ты знаешь «Закон божий?» Папа так ему отчеканил, что он погладил его по голове и сказал: «Молодец, иудей!» Папа читал мне «Закон божий» не раз.

Я вспоминаю свое детство. Когда я болела, папа брал меня на руки и пел. У него был хороший голос, и люди говорили, если бы он учился петь, он бы непременно пел в Большом театре. Папа любил вспоминать, как он женился. Во Фрамполе, как и в каждом местечке, были свахи. Папе сказали, что у Мермулисов есть девушка, и он решил сам пойти туда. Как рассказывал папа: «Я пришел в дом, Лиза (так звали мою маму) белила печку. Она мне понравилась с первого взгляда. Хозяйственная,- подумал я. У мамы не было приданного — одно платье и одна пара туфель. Но я ни на что не смотрел, и мы сыграли свадьбу и зажили счастливо». Вскоре у моих родителей родилась девочка, но она заболела и умерла.

Папа вспоминал, что, когда он работал в колхозе, еще сохранялось отдельное еврейское звено, а он был звеньевым. Папа под-

нимал людей в 5 часов утра, и их звено было лучшим. Их всегда отмечали благодарностями, так как они были лучшими.

Затем вышел какой-то закон, что евреям не разрешалось голосовать, так как они были зажиточными. Мамин старший брат Янкель был в это время в Москве, а мы уехали в Пушкино, где уже жила мамина сестра Хаюня. Это был примерно 39-й год. Папа устроился работать в магазин, и вскоре родители купили одну комнату, где мы жили до войны. После нас в Пушкино приехала вся мамина родня, они помогали друг другу, и постепенно все купили себе квартиры, устроились на работу, дети пошли в школы.

Мама вспоминает, что когда заболела папина мама, моя бабушка Хана, дизентерией, папа никого к ней не подпускал. Кормил, поил, менял простыни, купал ее. Он любил ее, и она его очень любила. Она всегда приносила ему обед на работу, как он мне рассказывал, всегда горячий и вкусный.

В 1941 году началась война, и все эвакуировались в Самарканд. Туда приехал папин брат, который почти все время не работал, и папа помогал. После войны мы вернулись в Пушкино. Брат папы уехал в Хмельницкий. Папа зимой вставал рано утром и расчищал весь переулок от снега, чтобы людям легко было пройти на работу. Люди называли наш переулок «Гришин переулок». Мы часто слышали: «Какой улицей пойдешь на работу?» — «Гришиным переулком».

Отец был очень веселый, добрый человек. В 1947 году родилась моя сестра Ларочка. Родители были счастливы. После войны мои двоюродные братья и сестры стали выходить замуж, а папа покупает скрипку и играет на всех свадьбах. А как он танцевал! Одевал халат, тюбетейку и танцевал узбекский танец, польку с венником (на еврейском языке «Бэйзым полька»). Все смеялись и веселились от души. Да, папа всем давал благословение «хылак идышиз», то есть поднимали скатерть, приводили туда невесту и женились. Невеста семь раз шла вокруг жениха, папа читал благословения, и затем все кричали «ма-зел-тов». Ах какое было веселое время!

Папа был верующий. Каждое утро он надевал твилот, талэс и молился. Он очень красиво пел во время молитвы, я лежала на диване и слушала. И до сих пор его голос звучит у меня в ушах.

Папа любил людей, улыбка никогда не сходила с его лица. Он всегда помогал бедным, в тюрьмы посылки отправлял! Всего не расскажешь. Из нашего дома никто не уходил, чтобы папа не угостил рюмочкой вина, лейкехом, штруделем со стаканом чая. У мамы всегда были сладкие вещи: кихэлак — их вкус я помню до сих пор, лейкех и плецелах, посыпанные сахаром.

1953 год — началось «дело врачей», и папиного брата забрали за переписку с границей. Папа помогал его семье, поехал в Киев, и вскоре его брат был освобожден... Запомнился случай, когда мы ехали в поезде, и на папу напал мужчина, обзывал на весь вагон, тут поезд остановился, и мы вышли. Отец немедленно вызвал милицию, мужчину оштрафовали, и он просил прощения у папы (оказался инженером)... А когда в магазине на папу напал здоровый мужик, папа не растерялся и оторвал ему ус. Хохот был на всю улицу, и, конечно, прибыла милиция. Того посадили на 15 суток за оскорбление личности... У папы было много знакомых из городской власти. Однажды к нему пришел один из них и сказал, что пришел приказ составить список всех еврейских семей на выезд. Этот человек сказал, что нашу фамилию написали последней. Но, слава богу, все обошлось!

Время шло, и нужно было еврейское кладбище. Община обратилась к папе, и он все устроил, появилось кладбище. Вначале он все делал сам, построил домик на кладбище, потом кладбищем стал руководить Коля (татарин). В Пушкино была большая еврейская община, нужен был молитвенный дом, опять папа все устраивал. Люди молились, был хазэн. Однажды собрали деньги, и хазэн приехал из Румынии, а мы, все дети, были там и слушали молитвы.

Однажды к нему пришел человек и сказал, что того ждет тюрьма, папа ему помог. Но он даже спасибо не сказал папе, бывает и так.

Гедаль Вайсман, ок. 1954 г.

Сталинские времена — закрыли еврейский театр в Москве. К папе приезжают люди из Москвы и просят помочь двум актерам, у семей которых нет работы. В Пушкино была артель «Партизан» и папа устраивает их всех на работу. К нему обращаются татары, русские, евреи, и он всем помогает. Соседи уезжают отдыхать, ему оставляют ключи, и он поливает их цветы, следит за их квартирами. «Гришок, Гришенька», — так его называли! У нас часто бывал Трактovenko — артист еврейского театра, при этом собиралась вся родня. У нас пели еврейские песни, устраивали юрцайт в день гибели фрампольских родных, но не много было рассказано нам о местечке Фрамполь.

Анна Зарницкая, 1970 г.

Маминой подругой была Женя Николаевская, дочь фрампольского раввина. Фрампольцы узнали, что она живет в Оренбурге, муж в тюрьме, и ей было очень трудно материально. Так Саша Лейбман, Сеня Лейбман, папа, еще несколько семей сделали все возможное, чтобы она приехала в Пушкино. Устроили ее на работу и, так как зарплата была мизерной, собирали деньги каждый месяц, приносили ей деньги в дополнение к зарплате. Папа устроил ее сына в ПТУ, затем в техникум, который он закончил и работал в Министерстве.

Папа очень любил маму. Он называл ее ласково Лэзеню. Я никогда не слышала, чтобы он повышал на нее голос, или они спорили. Он и нас никогда не ругал. Всегда с улыбкой, с добрым отношением ко всем. И зятей он принимал с душой и делал для них больше, чем их собственные родители.

Что папа имел от всех его добрых дел — только моральное удовлетворение!!! Он не ждал ни от кого вознаграждений. Он делал добро. Это был его девиз. Это был девиз фрампольцев, честных и преданных друг другу людей!

Своими руками

В этой главе Роман Геллер описывает нашу совместную поездку в мае 2009 г.

Поездку на Хмельниччину в мае 2009 мы осуществили вместе с Михаилом Фрейдером. Этому предшествовала большая подготовительная работа. Прежде всего, был установлен постоянный контакт с предками семьи Харламб. Мы неоднократно звонили в Косогорку председателю сельсовета Т. Б. Гарбуз, договаривались о нашем приезде и о тех работах, которые нам предстояло выполнить. А главное, составили план работ и способ их проведения.

Нам с Михаилом предстояло привести в порядок старое еврейское фрампольское кладбище, которое и сейчас находится за околицей Косогорки. Надо было продумать, какой инструмент и какие материалы привезти с собой, а какой инвентарь можно одолжить в селе. Предстояло, также, восстановить разрушенный более 12 лет тому назад и пролежавший на земле, заросший травой, памятник-обелиск на предполагаемой могиле первым жертвам Фрамполя — повешенным заложникам, который установила с большим трудом и за свой счёт приезжавшая в 1974 году специально для этого из Пушкино в Косогорку Эсфирь (Фира) Моисеевна Шнер.

Можно только сожалеть, что никому в селе ни до этого памятника, ни до старинного кладбища никакого дела не было. Очень печально. Думаю, любой со мной согласится, что это не соответствует никакой морали — ни иудейской, ни христианской. Более того, когда мы вплотную занялись кладбищем, то обратили внимание, что некоторые ряды надгробий лежали поваленными по эффекту домино. Проанализировав и поговорив с местными

жителями, мы определили, что это результат повалки некоторых деревьев, которые спиливали, якобы, с целью прочистки территории. Трудно в это объяснение поверить, то, что спиливали — это правда, а вот с какой целью... Оставим это на совести тех, кто это делал...

Итак, вначале был приезд в Хмельницкий. Я приехал раньше Михаила, поскольку там до этого ещё никогда не был. Познакомился с семьёй Мальвины Наумовны Брыжатой (Харламб) — и она и её супруг Брыжатый Леонид Павлович, с первых же минут знакомства произвели на меня самое лучшее впечатление своей добротой, лёгкостью в общении, желанием помогать и содействовать нам во всём. И это не были только слова, сказанные ради приличия и вежливости, это были слова, за которыми стояло дело, в чём нам вскоре и предстояло убедиться. Тогда же я познакомился и с правнучкой И. И. Харламба — Мальвиной Сергеевной Исаевой и с её детьми — Настей и Ростиком. Пока ожидал Михаила, ознакомился с Хмельницким, побывал в культурно-благотворительном фонде еврейской общины Хесед-Бешт, там познакомился с очень хорошим, добрым человеком — Людмилой Ефимовной Пискловой. Ждать от руководства фонда какой-либо помощи не приходилось, поэтому вся надежда была на семью потомков И. И. Харламба и на помощь со стороны сельсовета. В общем-то, так и получилось.

В воскресенье 25 мая утром я и Леонид поехали встречать Михаила, благо, машина Леонида, профессионального водителя, всегда рядом. Мальвина Наумовна осталась хозяйничать дома... За обедом мы обсудили наши дальнейшие действия и договорились сразу же ехать в Косогорку. Поселиться же там на этот раз нас пригласили в доме, где ещё недавно жила мама Мальвины Наумовны Клавдия Коваль, что в паре километрах от Косогорки, в Савинцах. С нами поехал и впоследствии всю неделю был рядом и оказал нам неоценимую помощь и Леонид Павлович Брыжатый.

Так и сделали, к вечеру были на месте, обустроились и утром первым делом поехали в сельсовет. Нас встретила председатель Т. Б. Гарбуз, быстро решила вопрос с тем, кто займётся восстановлением разрушенного обелиска повешенным заложникам, и мы сразу отправились на кладбище. Без раскочки, сразу же приступили к работам. Первым делом начали очищать территорию кладбища. Леонид приступил к выкашиванию травы и бурьяна,

для чего его бензиновая косилка была просто незаменимой. А мы с Михаилом собирали, подрезали сухостой и относили за пределы территории. Так прошёл первый день.

На следующий день Леонид продолжал с утра косить, а мы с Михаилом обмеряли кладбище, составили план расположения могил, пронумеровали их, после чего приступили к планомерной чистке надгробий — удалению грязи, пыли и густых слоёв мха. Как только появился фронт работ для фотографирования, я продолжил чистку, а Михаил начал фотографировать памятники. Шёл уже наш второй рабочий день. К этому времени Леонид закончил косить, после чего присоединился к нам, помогая чистить камни и фотографировать. Каждое надгробие, или мацева, как его было принято называть на Украине, имеет две составляющие: основание — длинный горизонтальный камень, придающий устойчивость всему сооружению, и образующий с ним единое целое вертикальный камень, то есть собственно сам памятник с надписью на иврите. Некоторые памятники, как уже говорилось выше, были отломаны от основания мацевы — и лежали на земле. То, что можно было поднять, мы подняли, прислонив к деревьям, другие — только чистили и фотографировали.

Одновременно решались вопросы по восстановлениюobeliska. Определили, как его поднять, как закрепить на бетонной подушке, для этого пришлось в бетоне сверлить отверстия, а электропровод тянуть метров триста от соседнего с кладбищем частного дома. Основные работы по восстановлениюobeliska выполнял живший неподалёку житель Косогорки Александр Пахний вместе с помощником. В первый же день мы завезли песок, договорились о покупке цемента в Ярмолинцах, а также решили вопросы с оплатой работ и материалов. Памятник, фактически, был восстановлен в течение двух дней.

На четвёртый день все намеченные работы были, практически, закончены. В общей сложности, мы почистили и сфотографировали более 200 сохранившихся надгробий-памятников нашим землякам и предкам. Предстояла ещё большая работа по переводу надписей на камнях с иврита на русский язык.

Об этом чуть позже, пока же надо было официально и достойно завершить наши работы. Для этого мы организовали небольшой митинг, на который пришли все участники работ, председатель сельсовета Т. Б. Гарбуз, старейший житель Косогорки

М. А. Комарницкий, а также специально приехавшие из Хмельницкого члены еврейской общины города, микроавтобус которым был предоставлен руководством областного благотворительного фонда Хесед-Бешт. Выступили Т. Б. Гарбуз, Р. Геллер и двое представителей из Хмельницкого. После митинга мы все вместе осмотрели кладбище, гости увидели результат наших работ. Все подошли, также, к могилам И. И. Харламба (1899—1971) и его жены С. Ц. Харламб (1901—1955) Эти две могилы — самые последние по времени захоронения на кладбище и единственные послевоенные. Так закончилась официальная часть, а на следующий день, 29 мая мы окончательно завершили все намеченные работы.

Все последние дни мы совершали прогулки по территории местечка, ведь оно располагалось вокруг торговой площади. Мы находили ориентиры на местности для определения места расположения домов своих предков с использованием схемы Саши Лейбмана. В частности, нам удалось, благодаря этой схеме и рассказам жителей села, определить правильное место, где раньше стоял дом, в котором жила семья Дайчман. Это как раз рядом с сельской амбулаторией, которая и сейчас расположена там же. Мы познакомились с новыми людьми, слушали воспоминания сельчан.

Особенно запомнилось гостеприимство семьи Комарницких. В их доме мы посмотрели семейные фотографии, боевые награды хозяина. Супруга вспоминала свою убитую подругу Бетю Михайловну Эпштейн и позволила сделать копию старого фото, на котором она сфотографирована вместе с подругой юности...

Везде мы слышали сожаления по поводу трагической гибели евреев. Запомнился и душераздирающий рассказ о расстреле двух сестричек, спасавшихся в холодную осень в стогу, но обнаруженных полицаем и расстрелявшим их под робкие просьбы: «Пожалей, мы же сидели за одной партией». Перед этим, когда полицаи вел несчастных девушек мимо одного из домов, кто-то из сельчан вынес им то ли стакан, то ли кринку молока, которая была безжалостно выбита из их рук... Вот так мы дышали воздухом предков...

В субботу 30 мая утром мы отправились, прежде всего, на станцию Ярмолинцы к мемориалу на месте массовых расстрелов, где возложили цветы к памятнику погибшим в 1942 г. евреям, нашим родным и всем землякам, невинным жертвам фашизма. Сопровождавший нас по территории ещё не до конца ликви-

рованной воинской части полковник в отставке, с сожалением высказал мысль, что когда часть прекратит своё существование и доступ к мемориальному комплексу станет свободным, он придёт в запустение и будет разрушаться, если не будет своевременно взят под охрану государства как культурно-исторический памятник.

Эти разговоры мы не оставили без внимания и тут же поехали в центр Ярмолинец, в райсовет. Там нас — меня, Михаила Фрейдера и Леонида Брыжатога, очень любезно и с большим вниманием принял уже знакомый мне ещё с ноября 2008 г. управляющий делами Ярмолинецкого райсовета Анатолий Николаевич Лис. Состоялась дружеская, непринуждённая беседа, во время которой Анатолий Николаевич твёрдо заверил нас, что вопрос взятия на учёт и под охрану всего мемориального комплекса уже начал обсуждаться и будет обязательно решён. На прощание Анатолий Николаевич подарил каждому из нас книгу «Местное самоуправление Хмельниччины: очерки истории местных общин Ярмолинецкого района» [13]. Приняв с благодарностью книги, мы распрощались в надежде вновь встретиться.

Далее, наш путь лежал в Меджибож, где мы посетили хасидскую общину и старое еврейское кладбище, место паломничества к захоронению основателя хасидизма рабби Исраэля Баал Шем Това (БеШТа). Могила БеШТа находится в охеле — маленьком прямоугольном домике для молитв, вместе с могилами рабби Хайима Эфраима Моше из Судилкова и рабби Боруха из Меджибожа — внуков БеШТа, а также Авраама Йошуа Хешеля (Рабби из Апты) — одного из выдающихся вождей хасидизма последующего поколения. Рядом расположена синагога, гостиница с миквой и кошерная столовая для прибывающих паломников. Везде было много молящихся.

Завершили мы свою субботнюю программу посещением старинной крепости в Меджибоже, где осмотрели саму крепость и посетили расположенный на её территории краеведческий музей. А после посещения крепости отправились к ещё одному за этот день трагическому месту: к расположенному на краю города оврагу, месту массового расстрела еврейского населения — более 3-х тысяч узников меджибожского гетто 22 сентября 1942 года. Мемориальный комплекс необычен и впечатляет: сверху стоит гранитный обелиск с надписью, а за ним — уходящий как бы под

наклоном вниз очень длинный овраг, залитый бетоном в виде надгробия на этой братской могиле.

Ближе к вечеру мы вернулись в гостеприимный дом Мальвины и Леонида Брыжатых в Хмельницком. Пора было паковать вещи и разъезжаться. Утром мы все вместе, а также пришедшая на вокзал Людмила Писклова из Хесед-Бешта, проводили на московский поезд Михаила Фрейдера. Я уезжал после полуночи, Леонид завёз меня немного раньше на вокзал и я остался дожидаться поезда. Рано утром я был уже в Киеве.

Так завершилась наша очередная поездка на родину предков, и мы очень хотим, чтоб не последняя. Надеемся на реализацию новых задумок и планов.

Общий вид памятника фрампольчанам, погибшим в Великой Отечественной войне, Косогорка, фото 2008 г.

Доска с именами погибших в годы Великой Отечественной войны, Козогорка, фото 2008 г.

Памятник жертвам Голодомора, Козогорка, фото 2009 г.

Михаил Фрейдер, Александр Пахний, Татьяна Брониславовна Гарбуз, Михаил Александрович Комарницкий, Роман Геллер у восстановленного памятника заложникам, 2009 г.

Отломанный и лежащий на земле обелиск памятника заложникам, фото 2001 г.

Восстановленный памятник, фото 2009 г.

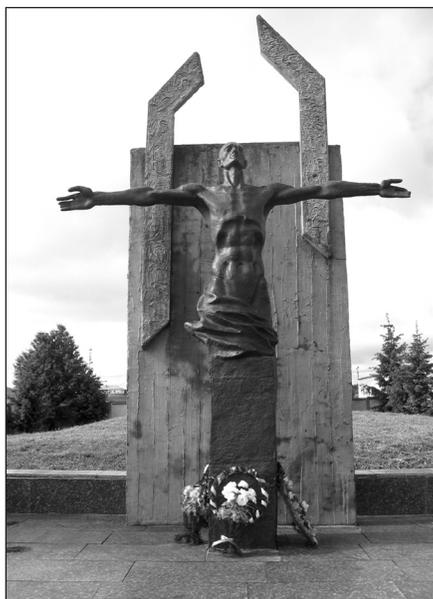
*Группа участников митинга при открытии
восстановленного памятника, май 2009 г.*

*Осмотр кладбища после открытия
восстановленного памятника, май 2009 г.*

Казарма в военном городке, где содержались франгопольчане перед расстрелом, фото 2001 г.

Центральная фигура мемориала расстрелянным в военном городке, станция Ярмолинцы, фото 2009 г.

Памятник расстрелянным евреям в военном городке, установлен в 1947 г., станция Ярмолинцы, фото 2009 г.

Меджибож, охель с могилами основателей хасидизма, май 2009 г.

Меджибож, надгробия могил основателей хасидизма в охеле, май 2009 г.

Обелиск на месте гибели евреев Меджибожа, снимок — май 2009 г.

*Коллективное надгробие в овраге массового расстрела
евреев Меджибожа, снимок — май 2009 г.*

Воспоминания М. Брыжатай о близких людях

Мы уже писали, что семья потомков И. И. Харламба сделала возможной нашу работу по приведению в порядок — чистке надгробий и уборке территории — старого еврейского кладбища Фрамполя и восстановлению разрушенного памятника заложникам, установленного более 30 лет тому назад. Вместе с нами работал и муж Мальвины — Леонид Павлович Брыжатый.

Мальвина Наумовна Брыжатай написала заметки о предках, а также дополнила наши материалы анкетами ее деда и отца. Эти материалы дали целый ряд фактов, уточнивших наши представления об этих замечательных людях. Исаак Иосифович Харламб (1899—1971) родился в г. Килия Измаильской обл. Украинской ССР. В 1934—1939 гг. Исаак Иосифович учился в Нежинском педагогическом институте по специальности «физик-математик средней школы».

Его супруга Софья Цалевна Харламб (1901—1955), в девичестве Мумблат, до войны работала учительницей. В анкете, заполненной ее мужем И. И. Харламбом, в 1948 г., мы читаем, что она уже инвалид второй группы.

Даты жизни Наума Харламова (Харламба), сына Исаака Иосифовича и Софьи Цалевны и отца Мальвины Наумовны: 1928—1968 гг. В 1950 г. он уже учился на третьем курсе исторического факультета Черновицкого педагогического института, который и закончил.

Все эти предки вместе с мамой Мальвины Наумовны — Клавдией Коваль (1924—2008) были учителями. Сегодня эту традицию продолжает дочь Мальвины Наумовны, которую также зовут Мальвина. Ее полное имя — Мальвина Сергеевна Исаева. Далее мы приводим короткие воспоминания Мальвины Наумовны.

Сколько себя помню, мы всей семьей каждое воскресенье ходили в гости к моему дедушке, Исааку Иосифовичу Харламбу. Жили мы в Савинцах, в двух км от Косогорки, где жил дед. Меня всегда ожидал мой любимый шоколадно-вафельный торт, который дедушке привозили из Хмельницкого для меня. Дед порой казался строгим, но я могла позволить себе любые шалости, которым он всегда почему-то был рад.

Дедушка преподавал в школе физику и математику, но он также хорошо владел французским и немецким языками. Мы иногда общались на немецком языке, так как и мой папа, Наум, тоже в совершенстве владел этим языком. Уходя от деда, мы всегда набирали домой журналы, газеты и книги на немецком языке. Все это читал мой папа, да и мы с братом Аликом часто тоже общались к этому, что и помогало изучению языка.

Дедушка был членом Союза начальных и средних школ с 1923 года. До преподавания он закончил два или три курса медицинского института, и это ему пригодилось во время войны: он был военфельдшером в госпитале в 1942 году. С 1939 г. он был депутатом сельского совета и имел целый ряд государственных наград: медаль «За трудовую доблесть» (1939 г.), «Отличник народного образования» (1945 г.), «Орден Ленина» (1951 г.). В 1951 г. Исааку Иосифовичу Харламбу было присвоено звание «Заслуженный учитель Украины».

Благодаря дедушкиным заботам и ходатайству, была построена дорога на Косогорку и организовано регулярное автобусное сообщение с Ярмолинцами и Хмельницким. Сразу после войны дед работал заведующим районным отделом народного образования в Ярмолинцах, а после возвращения домой участников войны он снова стал учителем и директором школы в с. Косогорка. Одновременно Харламп возглавлял партийную организацию в колхозе. Это был человек исключительно деловой и энергичный, он никогда не сидел, сложа руки.

В 1959 г. он уже имел 40-летний стаж работы учителем. В эти годы школа закупила швейные машинки для обучения учениц на уроках труда. В 1956 г. было построено новое здание школы, и дети начали учиться в одну смену.

Мне всегда казалось, что деда знали везде, что не было в наших краях города, села, района, где бы о нем не слышали. Не забывали его и бывшие ученики: они приезжали, писали письма.

Но судьба дарила дедушке не только счастливые моменты жизни. Во время войны они с бабушкой Софьей потеряли дочь Марию. Она была выдана фашистам местными полицаями и убита вместе со всеми фрампольцами в 1942 г. Мария (для меня тетя Маня, погибшая до моего рождения) была на седьмом месяце беременности. Остался после нее сын Фелик, родившийся в 1939 г. Его и растили после войны бабушка и делушка. Гибель дочери отозвалась болезнью и ранней смертью бабушки. Она умерла в 1955 г., едва достигнув 54 лет, когда мне было всего четыре года, поэтому свою бабушку я не очень хорошо помню. Бабушка Софья похоронена на старом еврейском кладбище Фрамполя.

Исаак Иосифович, конечно, был знаком с историей гибели дочери, но никогда никому не мстил. Более того, люди, причастные к ее гибели, порой имели смелость обращаться к нему с просьбами. Впрочем, не знаю почему, но их послевоенная жизнь сложилась не очень счастливо. Конечно, и мне все это тяжело вспоминать.

В последние годы жизни дедушка много болел: у него было четыре инсульта, он болел сахарным диабетом. Умер он в 1971 г. и похоронен рядом с бабушкой на еврейском кладбище.

Моя семья всю жизнь будет помнить трагические страницы своей истории и хранить память о своих замечательных предках. Мы всегда будем приходить к их могилам... Своей человечностью, трудолюбием и добротой дедушка Исаак добился не только высоких наград, но также, что еще важнее, признания и любви от земляков, хотя недобрая молва совершенно несправедливо порою наделяет евреев плохими качествами. К счастью плохих людей, которые думают так, намного меньше, чем хороших и порядочных. Я рада, что мои дети и внуки не стесняются говорить, какой у них был прадед.

Папа Наум после войны сменил фамилию Харламб на Харламов. Он исполнил просьбу моей бабушки, своей мамы Софьи. Она боялась, что ее потомки могут пережить новую трагедию, будучи евреями. Перед ее глазами всегда были тяжелые события, связанные с побоями и гибелью дочери. Бабушка в это время тоже пряталась и не могла помочь, будучи ответственной за судьбу сына и малолетнего внука Фелика. Мы потеряли свою фамилию, но не память, не гордость за предков.

Мой папа, Наум Харламб, родился в 1928 г. Во время войны он прятался от немцев в яме, которая была под кучей навоза.

Софья Цалевна Харламб и Мария Харламб, ок. 1937 г.

*Исаак Иосифович Харламб,
ок. 1948 г.*

*Мария Исаковна Харламб,
ок. 1940 г.*

От такого долгого нахождения в тяжелых условиях у него пропали волосы на ногах, он непрерывно болел. После войны папа поступил учиться в Свердловское авиационное училище, но, проучившись один год, тяжело заболел и не смог продолжать учебу. Он пошел по стопам своих родителей — стал учителем. Мама моя, Клавдия, тоже работала учительницей, она преподавала в младших классах. Папа преподавал историю и немецкий язык. Несмотря на тяжелую юность, пришедшую на годы войны, он был очень добрым человеком, много работал. Видно, доброта и трудолюбие были семейными чертами. Умер папа, прожив всего 40 лет.

Папа просил меня не поступать в педучилище, считая труд учителя очень нелегким. Я послушалась, поступила в медучилище, впрочем, всю жизнь работала с людьми. Детство мое было счастливым — меня окружали любящие люди. Это были, кроме родителей, бабушки и дедушки с обеих сторон. Брат Алик был старше меня на три года. Мы очень любили друг друга, никогда не спорили, оставаясь все детство примером для других детей. Однажды я читала стихи в школе со сцены, но было шумно. Выручил брат : он встал и громко сказал: «Тихо, тихо, моя сестра Мальвинка стих читает». Все дети замолчали, а потом наградили меня аплодисментами. Впрочем, думаю, аплодисменты были нам обоим.

Традиция учительствовать продолжается. Моя дочка, тоже Мальвина, с трехлетнего возраста мечтала стать учительницей. В два годика она могла наизусть прочитать «Муху-цокотуху», «Тараканище» и другие стихи. Я старалась учить ее художественному чтению, до сих пор, когда она читает стихи, дух захватывает! Мальвина закончила педучилище, университет, магистратуру, сейчас учится в аспирантуре и преподает украинский язык, родную и зарубежную литературу.

У неё двое детей. Сын Ростислав учится в старших классах школы, интересуется компьютером и имеет много призов и дипломов. Дочь Анастасия учится в пятом классе, имеет второй разряд по художественной гимнастике, была неоднократно чемпионкой и призером украинских и международных соревнований. В настоящее время изучает журналистику, ведет на телевидении рубрику «Народные приметы и гадания». Анастасия продолжает и традицию художественного чтения.

Вся наша семья, а это потомки Исаака Иосифовича и Софьи Цалевны, а также моих родителей, часто собирается вместе. При этом все слушают мои рассказы про своих замечательных предков. Я хочу, чтобы дочь и внуки никогда их не забывали. Мальвина и внуки мне часто говорят, что они ведь не встретились с ними, но хорошо представляют их. Им кажется, что предки жили и общались со всеми ныне живущими. И это прекрасно, так как пока жива память, живы и люди, они просто ушли далеко-далеко... Вот и в 2008 г. ушли сразу два члена нашей семьи: мама Клавдия и мой брат Алик. А совсем недавно, в 2009 г. ушёл из жизни сын моей погибшей тёти Марии — Фелик.

Я надеюсь, что эта цепочка не прервется, внуки будут все это рассказывать и своим детям. Может быть, найдется словечко и обо мне. Дочь и внуки, как и я, знают, что создание семьи и сохранение семейных традиций — это дело святое. Путь к этому — передаваемая из поколения в поколение любовь, нежность, доброта и всепрощение.

Я со своей стороны всю жизнь храню благодарность к родителям за ласку и тепло, за добрые советы, которые они дарили мне и брату. А я все передаю дальше...

*Дом Клавдии Коваль и Наума Харламба (Харламова),
Савинцы, фото 2009 г.*

Наум Исаакович Харламб

*Клавдия Исааковна Коваль,
жена Н. И. Харламба*

*Фелик Черный, С. Ц. Харламб, И. И. Харламб, Н. И. Харламб
и К. И. Коваль, на переднем плане — их сын Алик, Косогорка, 1948 г.*

*Мария Харламб
и Геня Пахтер (?),
Фрамполь, 1936 г.*

*Зина Комарницкая
и Бетя Эпштейн,
Фрамполь, ок. 1939 г.*

И. И. Харламб с учителями и учениками, Козогорка 1948 г.

И. И. Харламб с учителями и учениками, Козогорка, 1951 г.

*И. И. Харламб с учителями и учениками,
Косогорка 1960-е годы*

*Школа в Косогорке, в которой работал И. И. Харламб,
фото 2001 г.*

Косогорский сельский совет

Как уже говорилось ранее, во время встречи с Лисом Анатолием Николаевичем, кроме интересного рассказа о райцентре Ярмолинцы и сказанных им добрых слов, Анатолий Николаевич подарил нам по книге «Местное самоуправление Хмельниччины: очерки истории местных общин Ярмолинецкого района» [13]. Отрывок из нее, в котором рассказывается об истории села Фрамполь (Косогорка), мы сочли важным привести в этом издании.

Село Косогорка (в прошлом Фрамполь) — центр Косогорского сельского совета, расположено в 12 км от районного центра и в 8 км от железнодорожной станции Ярмолинцы. Общая территория села составляет 1419,1 га, в т. ч.: земель государственной собственности — 380,4 га, земли частной собственности — 1038,7 га.

Количество населения составляет 506 чел., в т. ч. детей дошкольного возраста — 4, детей школьного возраста — 58, пенсионеров — 186, общее количество дворов — 256.

Местный совет создан 11 мая 1999 г. Сельский председатель — Татьяна Брониславовна Гарбуз (украинка, 1953 г. р., образование высшее), секретарь — Наталья Юрьевна Котлинская (украинка, 1953 г. р., образование среднее специальное).

В расцвете села немалая заслуга председателя сельского совета предыдущих созывов Р. А. Олейника, а также секретарей В. В. Шупер, Т. Б. Гарбуз. В обновлённый состав Косогорского сельского совета было избрано 15 депутатов, в т. ч. 13 работников сельского хозяйства. За годы независимости Украины активную общественно-политическую деятельность осуществляли депутаты Т. И. Патарака, С. С. Хоптян, В. И. Винту, В. М. Мартынова, В. Ф. Янковский

На территории совета действуют сельскохозяйственное предприятие «Маяк» (с. Косогорка), одно фермерское хозяйство, одно частное индивидуальное хозяйство, Косогорская общеобразовательная школа I—II ст., клуб, библиотека, сельская врачебная амбулатория, отделение связи, аптека, участковая больница ветеринарной медицины.

На протяжении многих лет социально-экономическому развитию села помогли ветераны колхозного труда: звеньевые А. Д. Цап, С. А. Дурач; механизаторы В. К. Довгий, С. М. Брехулко, Ф. И. Божик, Ф. Ф. Радецкий, П. С. Дзюба; животноводы О. С. Онсин, М. А. Хоптян, Г. Я. Шевчук, Г. А. Воевода, Г. Ю. Задорожный, Г. Г. Задорожная, М. Г. Гладий, С. И. Малая; доярки Г. И. Комарницкая, В. Мартынова, З. М. Стрелецкая, Н. И. Войницкая, Л. М. Ластовецкая, М. В. Грыськов, М. М. Куца — заслуженный работник с/х Украины; строители Б. М. Лутковский, Б. С. Грыськов, М. А. Довгий; пасечник М. А. Школяр, агроном Т. А. Ветвицкый, зоотехник М. С. Кочмарский, ветеринар Т. И. Патарака.

Немало сделали для села председатели колхоза М. И. Шевчук, В. И. Черний, А. А. Лизун, В. Ф. Белявский. Воспитанию молодого поколения своим упорным трудом способствовали учителя П. П. Панов, И. И. Харламб, О. П. Цехмистер, С. Б. Супрун, Т. М. Бойчак; завклубом М. О. Комарницкий Долгое время фельдшерско-акушерским пунктом заведует Г. Д. Ильницкая.

Косогорка (Фрамполь), как местечко, появилась в начале XVIII ст. благодаря важному пути из Каменец-Подольского на Проскуров. Считается, что заселение начиналось от сатины, названной Австрией — центра торговли населения. Он имел форму квадрата. На южной стороне стоял роскошный дом, а с трёх других сторон было около 20 магазинов: гастроном, ткани, зерно, промтоварный и др., которыми пользовались жители почти 20 населённых пунктов, среди которых наибольшим были Савинцы. Местечко втиснулось между присёлками Франевка, от которого, собственно, и получило название, и Перелесов. Его очень быстро наполняли еврейские семьи. Небольшая площадь застраивалась плотно, оставляя простор для узеньких улочек и переходов. А главная улица, которая тянулась на юг, была занята длинной цепочкой гостиниц (заезжих дворов) для купцов и извозчиков. Первые поселенцы из числа евреев взялись и за

сооружение закусовых для селян, которые приезжали на торги (среда, воскресенье).

Когда возникла идея проложить современную дорогу между Проскуровом и Каменец-Подольским, инженеры предложили владельцам гостиниц заплатить им, как взятку, 100 руб. золотом. Те отказались, и специалисты определили маршрут на отдалении 10 км. Это и привело к разорению владельцев тех заведений и упадку местечка в целом.

И всё-таки, в конце XIX — в начале XX столетий Фрамполь постепенно развивался. В 1894 г. тут проживало 595 чел., из которых 30 ремесленников. Действовали школа грамоты, 13 лавок, почтово-телеграфное отделение. Вскоре к ним прибавились участковая земская больница, телефонная станция.

В годы первой мировой войны, когда край был прифронтовой зоной, большие перемещения войск причиняли большие убытки местному населению. Ведь почти всех дееспособных мужчин (кроме евреев) мобилизовали на фронт, а продовольствие, фураж, лошади были реквизированы для военных нужд.

Русское военное командование с большим недоверием относилось к евреям, считало их неблагонадёжным элементом. Евреев не брали в действующую армию, этапным порядком выселяли из прифронтовых районов в другие районы губернии. Поэтому много еврейских семей страдало именно от такой антисемитской политики.

В конце XIX — в начале XX вв. евреи принимали участие в сборе денежных пожертвований сионистским организациям, распространяли сионистскую литературу, отдельные еврейские семьи эмигрировали за границу.

В период событий 1918—1920 годов местечко не раз переходило из рук в руки. Еврейское население довольно осторожно относилось к войскам (в крае воевали несколько иностранных армий) и не раз давало солидный выкуп, только бы предотвратить погромы и грабежи. А вот селяне бунтовали, били милиционеров, проявляли непокорность власти (март 1917 г.). Поэтому в местечко был командирован отряд военных.

Предприимчивые евреи и не замедлили с инициативой когда, в основном, боевые действия были завершены. Уже в конце октября 1921 г. они подают заявление на организацию сельхозартели «Труд». Но земли имели лишь 30 десятин. Прибавилось и коли-

чество населения. Так, в 1926 г. Тут проживало 1190 лиц обоих полов. Кроме того, в присёлке Перелесов жило 777 человек, во Франевке — 552.

В 1930-х годах на территории Косогорского сельсовета действовало два колхоза — «Красный путь» и «Труд». Зажиточные люди жили в последнем, где была поддержка еврейской общины. Но и во Франевке дела ладилась. Так, в 1940 г. под руководством агротехника Ивана Лучкова было получено по 15 центнеров зерновых и 240 центнеров сахарной свёклы с гектара.

Испытали местечко и присёлки лишения во время голодомора, но не так ощутимо, как в окрестных сёлах. Под репрессии попало 12 человек, в т. ч. 10 евреев, 13 семей были депортированы с грузом по 40 кг на каждого человека.

В июне 1941 г. в село вошли гитлеровцы. С неприкрытой жестокостью они накинулись на еврейскую общину, требуя от раввина Кахана, чтобы тот выдал 10 евреев, как заложников. На это он ответил, что не может ни на кого указать пальцем, кроме себя. Его схватили и повесили. Расправились ещё с десятью евреями как заложниками. 30 октября 1942 г. на ст. Ярмолинцы расстреляли всех евреев, которые попали под руки палачам. Почти все 85 их домов разрушили.

Во время освобождения села на его территории воевали воины нескольких дивизий. Но окончательное освобождение принесли воины 127-й (по нашим сведениям 167-й — *Прим. авт.*) стрелковой дивизии.

Были подсчитаны убытки, причинённые фашистами селу и учреждениям. Только украинским семьям нанесено утрат на сумму 1583 тысячи рублей. Особенно ощутились злодеяния фашистов на усадьбах Антонины Коваль (72 369 руб.), Леониды Стрельбицкой (54 000 руб.), Назара Чорного (56 400 руб.).

Но всё это подытоживали уже тогда, когда наспех мобилизованные и обученные мужчины уже воевали против гитлеровцев. А недели военную форму свыше 100 хлеборобов и представителей трудовой интеллигенции. 72 из них погибли на поле боя, пропали без вести или умерли от ран, преимущественно в западных областях Украины.

Храбро бились с врагом десятки селян, в том числе В. Я. Шевчук, В. П. Бондаренко, М. Д. Шевчук. Но с наивысшим отличием вернулся домой К. С. Венгер — полный кавалер орденов Славы.

Трудно было и тем, кому предстояло вдохнуть жизнь в два местных колхоза. Разорённые фермы, растащенный инвентарь, пустой амбар... Спасибо тем, кто поделился, кто старался трудиться от зари до зари. В сельхозартели «Красный путь» выводил людей из беды председатель М. И. Шевчук. Председательствовали тут и Д. И. Цап, М. В. Рахицкий. Колхоз «Труд» возглавляли Ю. Г. Штойко, Я. И. Процик, П. С. Гаевой, В. И. Мартынов. Часто менялись председатели сельисполкома. В начале 1945-го сельисполкомом руководил И. М. Кривой. Было сформировано 7 постоянно действующих комиссий.

Директором школы работал И. И. Харламб. Начальником отделения связи назначили В. И. Шевчука, председателем правления сельского Совета избрали А. М. Лизуна, но успешнее всего вёл дела Ю. Г. Росновский. К числу актива сельсовета присоединились директор спецшколы В. В. Нагорняк, заведующие аптекой М. И. Зильберман, медпунктом — М. Т. Порохнявая, клубом — В. Я. Шевчук, библиотекой — Р. М. Пастухова.

В 1959 г. состоялось объединение обоих колхозов. Это в некоторой мере способствовало соединению финансовых возможностей и людских ресурсов. Растёт урожайность зерновых и технических культур, наполняются животными и птицей фермы. Поднимается денежная и натуральная оплата. Но лучшие времена впереди.

Постепенно обновляется и само село. Неутомимыми руками колхозников были возведены 152 жилых дома. В 1952 году крестьянские жилища были радиофицированы. Для удовлетворения культурных потребностей работников колхоза, был сооружён клуб, начали функционировать ясли...

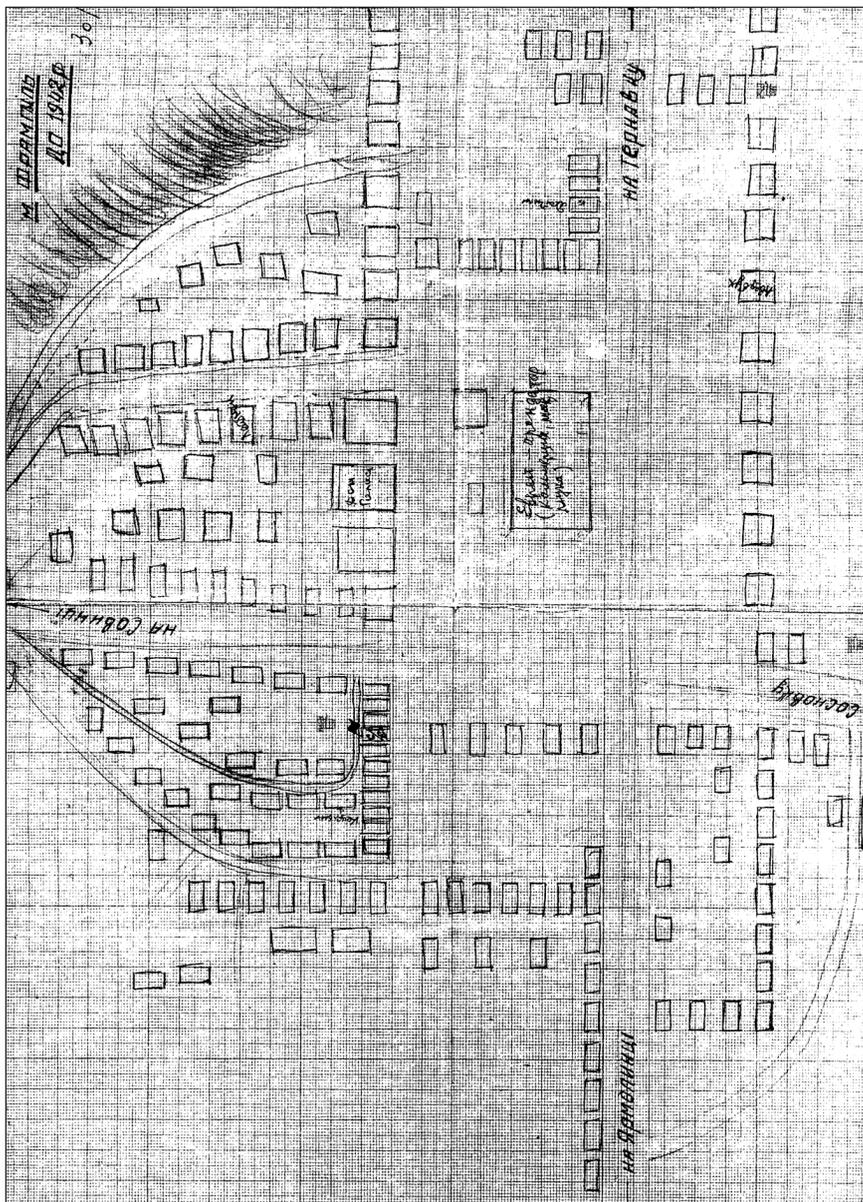
Перевод с укр. — Р. Геллер

Схемы местечка Фрамполь

Нам известны две схемы местечка Фрамполь, выполненные уже после войны независимо друг от друга А. Г. Лейбманом и В. Д. Бойчаком. Обе схемы были выполнены от руки и по памяти. Копию схемы А. Г. Лейбмана предоставил нам Игорь Кецельман, у которого сохранился её оригинал, а схема В. Д. Бойчака была им передана Роману Геллеру во время поездки Романа в Косогорку в 1995 г.

Схема местечка (Фрамполь - до 1942 г.), изображенная Бойчаком, содержит мало фамилий, в основном она дает топографическую картину местечка с обозначением основных направлений дорог, проходящих через местечко, и расположение его домов. Всего на схеме обозначено 187 строений. Фамилии лишь четырёх семей фрампольчан на схеме Бойчака с его же слов надписал Роман Геллер: Авербух, Дайчман, Кецельман, Лейбман. На схеме отмечено флагом размещение сельсовета, а большое строение, обозначенное в центре схемы, как тогда же рассказал Бойчак, это — коммерческий дом, где продавались различные товары, и который держал неназванный им еврей-арендатор.

На схеме Александра Лейбмана представлено 110 жилых домов и около 11 общественных домов и строений. И хотя, на этой схеме могут быть некоторые неточности, что вполне естественно, и на которые в своё время указывали некоторые бывшие фрампольчане, тем не менее, она представляет большой интерес, поскольку на ней указаны фамилии. Часть фамилий домовладельцев представлена в списках погибших, имеющих у нас. Некоторые фамилии написаны не полностью и/или с неточностями. Мы даем комментарии к этим сведениям.

План Фрамполя, составленный В. Д. Бойчаком

№ дома п/п	Фамилия, имя домовладельца в написании автора схемы А. Лейбмана	Возможный вариант	Соседние общественные помещения	Номер фамилии основного списка погибших, близкой по написанию
1	2	3	4	5
Верхний ряд домов				
1	Кидерман			159 – 160
2	Шефтель			
3	Рехтер			
4	Чванька			
5	Векслер			67 – 71
6	Демб Н.		Аптека	119 – 121
7	Штил.			
8	Лехтер			
9	Авербух Шлема			311 – 316
10	Гилис Этя			81 – 95, 282 – 284
11	Крайзель			
12	Березевер			
13	Эйдельман			122 – 127
14	Годи			
15	Шмил- Дон Вуг. Алт.	Шмил- Дон Вугман, Вугман Алтер		72 – 75
16	Мермулис			
17	Гольденберг			110, 285 – 286
18	Брунштейн Моше	Бронштейн		46 – 51, 323 – 324
19	Жимжик			
20	Зельцер			
21	Бурштейн			328 – 330
22	Коваль Мошке			

1	2	3	4	5
Верхняя левая группа домов				
23	Пахтер Абрам			197 – 203, 376 – 379
24	Глейзер			
25	Мейдман			188 – 190, 372 – 375
26	Кац Аврум			153 – 155, 303 – 304, 307 – 308, 351 – 354
27	Дайчман		Пивная	344 – 346
28	Гурвиц	Гервиц		76 – 80
29	Кидерман Велвер			169 – 160
30	Пахтер А.		Базар, шко- ла, пивная, клязел	197 – 203, 376 – 379
31	Пахтер Сосе		Клязел	197 – 203, 376 – 379
32	Хадачник Иосиф			245 – 255, 299 – 300
33	Мунблат	Мумблат		
34	Харламп	Харламб	Амбулатория Торговица	301
35	Гоглойб Лейзер			111 – 112
36	Вайсман		Колодец	333 – 335
Верхняя правая группа домов				
37	Шас Шлойме	Сас		
38	Эпштейн			399
39	Розенблит Шмил			
40	Стельмах Зиси			
41	Хитрых			
42	Альтшулер			317 – 319
43	Розенталь Мойше			223 – 229, 380 – 382

1	2	3	4	5
44	Патишман Ицик			395 – 398
45	Пахтер Срул		Торговые ряды и почта	197 – 203, 376 – 379
46	Берл.			
47	Бидный Вольке			23 – 32, 281
48	Песис Зиси			
49	Шильман П.		Торговые ряды и кинотеатр	265 – 266, 388
50	Цюпес Хаим			
51	Пукер			204 – 216
52	Гилис Шмил			81 – 95, 282 – 284
53	Голанер Ш.	Голендер		101 – 109
54	Мойдл.			
55	Лискер			290 – 292, 368 – 369
56	Сирке			
57	Пукер Нахман			204 – 216
58	Брунштейн Шлойме	Бронштейн	Торговые ряды	46 – 51, 323 – 324
59	Гольденберг Мордехай			110
60	Кижнер Мойше			
61	Лисирке Мойше			
Нижняя левая группа домов				
62	Фрейлехс Мойше		Базар	
63	Эйних	Эйних Гурфинкель		114 – 118, 340 – 343
64	Шае- Лейб			
65	Янкель-Сосес			
66	Боднар Шулим			38 – 41
67	Зац Лейб			
68	Ушицер Бейрл			
69	Ландер Исаак			177 – 179, 363 – 365

1	2	3	4	5
70	Махер			
71	Сас Мохтке			
72	Тенейбойм			
73	Пахтер Фрейда			197 – 203, 376 – 379
74	Рахман Мойше			
75	Сендер			
76	Пукер Олтер			204 – 216
77	Лейбман Янкель			397
78	Гендельман Азык			336 – 338
79	Урке			
Нижняя правая группа домов				
80	Кижнер Хаскель			
81	Пукер			204 – 216
82	Пахтер Шлойме		Базар	197 – 203, 376 – 379
83	Галендер Янкиль		Колодец	101 – 109
84	Гилис Моше		Базар	81 – 95, 282 – 284
85	Зильберман Пейрель		Базар	135 – 141
86	Мейдман		Базар	188 – 190, 372 – 374
87	Хадачник Гершен		Базар	245 – 255, 299 – 300
88	Хамерш		Базар	
89	Чачке Ньюма		Базар	
90	Будман Мойше БудманХаим		Базар	52 – 53, 325 – 327
91	Милионщик			
92	Гамкор Ш.			
93	Ханци		Клюз (Клойз – <i>Прим. авт.</i>)	
94	Лейбман Герш			397
95	Галендер Хаим			101 – 109

1	2	3	4	5
96	Гилис Гершен			
97	Фашил		Бесмедрыш (Бет-Медраш- <i>Прим. авт.</i>)	
98	Кецельман Ихил			156 – 158, 355 – 357
99	Бидный			23 – 32, 281
100	Фрейдер Алтер			239 – 240, 386
101	Ливерин			
102	Шистер Олтер			
103	Векслер Срул			67 – 71
104	Фрейдер			239 – 240, 386
105	Гурфинкель Зиси			114 – 118, 340 – 343
106	Азрил Восерфирер			
107	Вайблат Срул			54
108	Ховес Срул			
109	Пигур			
110	Эпельблат			129 – 132, 302, 392 – 395